

Александр Доставалов

СОН, ОТ КОТОРОГО НЕ ПРОСЫПАЮТСЯ

(отрывки из романа)

ГЛАВА 13

Горы, горы и горы.

К человеческому жилью они вышли через восемь дней.

Это был небольшой поселок. Несколько домов. По направлению движения – очень далеко от железной дороги, далеко от шоссе. И даже на этом направлении это был не ближайший поселок, а второй по счету. Первый, опасаясь засады, обошли далеко стороной, не встретив никого из местных.

Дважды в пути они видели военные вертолеты. Оба раза машину сначала удавалось услышать, и группа оставалась незамеченной. Это еще более убеждало ребят в том, что все их петли и предосторожности не были излишни. Но чем дальше они забирались в горы на своем гиблом и нелогичном маршруте, тем меньше становилась возможность добыть что-нибудь из еды, и чаще встречался снег. По ночам начинались заморозки. Грибы, которых раньше удавалось набирать довольно много, практически исчезли. Однажды они набрали на густые заросли облепихи, и до одури наелись сладкой и маслянистой ягоды. Облепихи набрали впрок, сколько смогли унести, но все равно хватило ненадолго. Ирина жестоко кашляла. Остальные тоже осунулись и помрачнели. Лена, в совершенстве знавшая травы, то выкапывала какие-то корешки, то сушила отдельно стебли, отдельно цветы и листья, что-то отваривала в котелке или старой жестяной кружке. Пили толченый золотой корень, его здесь росло довольно много, а силы такой отвар поддерживал хорошо. Но не лекарства были нужны больным, а тепло и отдых. Димка, Гера и Мишка растирали на «табачок» кору, вдыхали горький дым, но помогало плохо. Никто из остальных скалолазов всерьез без сигарет не мучился, хотя раньше покуривали почти все.

Доедали последнюю овцу.

Поселок лежал перед ними серый и сумрачный. Небольшая долина, со всех сторон зажатая горами, практически лишенная деревьев. Подойти к нему скрытно днем вряд ли было возможно. Ночью будут мешать собаки. Но привлекать к себе внимание раньше времени не хотелось.

– Женька, зря мы тут так долго топчемся. – Вовка, по жизни оптимист, был настроен попробовать. – Пойдем наудачу. Если засада есть, так она есть, а если ее нет, так никто и пикнуть не посмеет. Нас все ж таки одиннадцать человек, и все с автоматами.

– Ну и что? Телефон или рация в поселке вполне могут быть. Вызовут вертолеты, и через час они будут здесь. Даже поесть не успеешь напоследок.

– Так что нам теперь, всю жизнь в этих горах прятаться?

– Надо зайти так, чтобы они не успели связаться с армией. Здесь-то солдат нет. Наверное.

– Считаем все-таки, что мы в параллельном мире?

– Бог его знает. Многое об этом шепчет. На что тайга похожа? Одна плесень. Если все не так, если все наши страхи ерунда – вызовем прокуратуру, врача для Ирины, и посмеемся над этим потом, в Красноярске. А пока... Идти надо вечером.

– Бред. Чистой воды бред. И как мы в него попали?

– Партизаны, блин.

– Ладно скалиться. Идти надо по ручью, снизу. Вон там, за скалами, нас не будет видно до самого поселка. И в самый крайний дом.

– А дальше?

– А дальше разберемся.

Димка хмыкнул.

– По-моему, отличный план. Если что, хоть удрать успеем. Ночью в горах легче оторваться.

– Игорь, как твоя рука?

– Херошо. Только не говори мне ничего про стрептоцид.

– Тогда возьми у Иры сумку. Вы с ней идете замыкающими. Впереди Димка с Герой. Слева Вовка, справа Лена, дальше чем на сто метров, не отходить. Остальные со мной. Всем снять оружие с предохранителей. Идем очень медленно. Выходим на исходную, вон к тем кустам, и будем ждать темноты. Вляпаться под самый конец было бы глупо. – Женька потянулся так, что громко хрустнули кости, и снял с плеча автомат.

– Ну, с Богом.

* * *

Крайний дом был совершенно типичным архитектурным уродом. Нелепая на вид, но практичная кладка из плохо обтесанных камней. Покосившийся забор – переплетение колючих ветвей кустарника и редких, черно-зеленых от времени кольев, увенчанных пустыми литровыми банками, калитка на старых кожаных петлях. Сюда же вплетена, в качестве полноправного звена ограды, ржавая кроватная спинка, из которой повытаскивали прутья, заменив их проволокой. Убогий сарайчик, что-то вроде курятника, и серый, припорошенный пылью двор, повторяющий в миниатюре окружающий горный ландшафт. Очень аккуратный, маленький, ухоженный огородик.

Нищета.

Легко перемахнув через забор, Димка прижался спиной к стене. Лениво гавкнувшая дворняга снова свернулась в сонный клубок. Совсем рядом светилось подслеповатое окошко с треснувшим стеклом, слышался невнятный разговор. Слов было почти не разобрать, но говорили по-русски, и голоса были женскими. Он махнул рукой, подзывая остальных. Осторожно перебегая двор, скалолазы старались не попасть в зону прямой видимости не столько этих, сколько соседских окон.

Мягко сняв ножом наброшенный изнутри крючок, Димка скользнул внутрь дома. Дверь еле слышно скрипнула; голоса примолкли. Гера тенью следовал за ним. Пожилой голос спросил:

– Зойка, никак зашел кто?

Именно в этот момент на пороге появился Димка, прижимающий палец к губам, и одновременно Гера с автоматом наизготовку. Узкие, почти раскосые Димкины глаза не предвещали ничего хорошего. Старуха полузадушено вскрикнула и прижала ко рту платок. Глаза ее заметались, перебегая с вошедших на оконце и обратно. На столе горела настольная лампа.

– Тетя, не кричи. Это бандиты, – рыжая, плохо одетая девчонка, говорила почти спокойно. При этом она быстро вытащила из стола ракетницу.

– Убирайтесь, или пальну.

Димка примиряющим движением поднял руки вверх и в то же мгновение прыгнул, навалившись всем телом девчонке на руки, зажимая ей рот и выдирая из пальцев оружие. Зеленый огонь сверкнул в угол хаты, срикошетировал, звякнул об умывальник и прыгнул, приплясывая, на кровать. Маленький Гера молча стоял перед старухой, глядя ей прямо в глаза. Словно загипнотизированная, та не делала ни единого движения, даже не моргала. В ее расширенных зрачках плескался ужас. В комнату ввалились Женька, Рома и Вовка. Юлька и Оксана остановились в дверях.

В мгновение ока все было кончено. Девчонку и старуху скрутили, связав им руки за спиной, и усадили на пол. Женька плеснул из умывальника на загоревшееся одеяло, и комнату на какое-то время заполнил дым. Лампа уцелела и мирно стояла на столе; по стенам метались причудливые тени.

– Еще кто-то в доме есть? – Женька тряхнул за плечо девчонку. Рыжая, всклокоченная голова демонстративно отвернулась к стене. Узкие плечи вздрагивали. Девчонка тяжело дышала. Он повернулся к старухе. Та отрицательно покачала головой.

– Рома, Вовка, все проверить. На дворе не показываться. Всех сюда.

Старуха что-то замычала, но Женька уже потерял к ней интерес. Скалолазы осматривали комнату, обшаривая каждую полку, каждый ящик. Юлька стояла у дверей, сумрачно глядя на разгром. Вещи старались не расшвыривать, тем не менее в комнате шел настоящий обыск.

Вскоре на электрической плитке стоял чайник, у стола звякали кастрюльками Оксана и Лена, а Женька разбирал хозяйскую аптечку. Если только можно было назвать аптечкой небольшую картонную коробку с пожелтевшими от времени таблетками. Непривычно жесткие обертки на лекарствах были непрозрачными и легко ломались.

– Смотри, Юлька, почти все названия немецкие. Странно. Я ничего здесь не могу узнать.

Юлька равнодушно кивнула. Лекарства ее не интересовали. Она внимательно, не трогаясь с места, рассматривала убогое жилище девочки и старухи. Мебели практически не было – несколько самодельных табуреток, дощатый стол и старая кровать с панцирной сеткой. Как же они тут спят? Чуть позже она заметила второе «спальное место» – длинную лавку, застеленную кошмой. Чистая, но очень ветхая занавеска отделяла комнату от «кухни», где расположился металлический умывальник, еще один стол и нечто вроде буфета с остатками полировки на дверцах. В углу комнаты стоял телевизор какой-то незнакомой марки. Мишка попытался его включить, но из этого ничего не вышло. Рядом, до самого потолка, подымались полки, грубо сколоченные из толстых листов фанеры. Почти все они прогнулись, провисая под тяжестью пыльных бутылок, банок, каких-то кривых ящичков, старого тряпья и прочего хлама.

Кто-нибудь видит чай? Нормальный чай?

Вон стоит баночка. Ты лучше соль поищи. И сигареты.

Откуда у них сигареты.

Со двора зашел Вовка, державший под мышкой поросенка. Тот дергал всеми четырьмя лапами и отчаянно пытался вырваться, но голодный Вовка, не обращая внимания на царапины и грязь, держал его крепко, стараясь прижимать к себе спиной. Он наклонился над мусорным ведром, запрокинул поросенку голову и резко дернул ножом. Черная кровь полилась в ведро, поросенок взвизгнул и выгнулся в последний раз, затихая. Старуха тихо, но отчетливо выругалась. Вовка не обратил на это никакого внимания. Тогда старуха начала ругаться дальше, подбирая очень крепкие выражения и не повышая голос. Как будто рассказывала что-то внуку или внучке. Некоторое время Вовка молча слушал, разделявая поросенка, затем уши его покраснели. Старуха продолжала, без всяких интонаций, без злости, но не хуже любого боцмана комбинируя слова и присказки. Она методично перебрала всю родню Володи и по отцовской и по материнской линии, весьма подробно характеризуя самые различные их качества. Вовку она при этом тоже не забывала, как и его будущих детей.

– Тетя, хватит, – рыжая девчонка, похоже, потеряла часть своего задора. – Он же нас сейчас убьет.

Старуха продолжала. Отец, мать, дети, родня, уши, рот, лицо, вероятные партнеры по сексу среди животных и самые различные его способы. Будущее расстройство зрения и желудка, снова секс и различные затычки, которые могли бы Вовке помочь. У Володи, который обычно был очень спокоен в любой обстановке, задержался левый глаз.

– Тетя, перестаньте, пожалуйста! Черт с ним, с этим поросенком.

Старуха снова вернулась к матери Володи и начала исследовать ее прошлое, начиная с пионерских лет. Русские ругательства умело переплетались с немецкими, мелькали какие-то незнакомые слова.

Вовка отложил нож и аккуратно вытер руки о висевшее рядом полотенце. Его уши пылали ярким пунцовым цветом, шея пошла пятнами.

– Тетя, миленькая, эс генугт!

Старуха продолжала говорить.

Вовка снова взял в руку нож – Зойка сжалась в комок и попыталась забиться в угол – обрезал шнур, на котором висела занавеска между кухней и комнатой, отхватил ножом кусок этой самой занавески и аккуратно заткнул старухе рот. Какое-то время та мычала; тогда он закрепил кляп веревкой и обернулся к девчонке.

– Тебе тоже, небось, нейметя?

Зойка отрицательно мотнула головой и вдруг заплакала. Володя посмотрел на нее длинным, бешеным взглядом, затем вернулся к поросенку.

* * *

– Ищем газеты. В этом доме есть где-нибудь газеты?

– Эй, рыжая! Зоя, или как там тебя? У вас в доме газеты или книги есть?

– А ты разве не заметил, что это изба-читальня?

– От язва. Оклемалась уже.

– Может, и этой рот заткнем? – Вовка снова взял в руки кусок тряпки. – А то заорет, все соседи сбегутся.

– Так ведь ночь.

– Ночью слышно хорошо.

Ромка, «лепший друг» Володи, задумчиво спросил:

– Зоя, ты кричать не будешь? Или, на всякий случай, тебе ротик завязать?

– Да иди ты... Спроси тетю, она тебе скажет адрес.

Ромка улыбнулся. Зойка ему определенно нравилась.

– Языкатая. Нет, правда, пообещай, что не будешь кричать.

– Смотря, что вы собираетесь делать.

– Что собираемся делать? Ужинать собираемся. Может, и тебя покормим, с ложечки. Только не ори, ладно?

Девчонка пожала плечами.

– Да пожалуйста. Какой толк здесь кричать, вода так шумит, что собаку не всегда услышишь.

Ромка выглянул в окно, проверяя. Вода под окнами действительно шумела. Все же он не только окошко закрыл, но и занавески задернул.

– Ну, считай, что договорились. – Рома повернулся к Женьке. – Может, развяжем ей одну руку? Пусть тоже поест.

По комнате уже расплывался вкусный запах.

– Рыжая, ты сама есть будешь? Мы тебя поросенком угощаем.

– Ты, гад, еще издеваешься? Мы с тетей его полгода выращивали!

– А мы ничего не ели две недели с лишним.

Девчонка скептически посмотрела на плотного, здорового Ромку. Голодные дни обнесли его щеки, но фигура осталась атлетической и крепкой.

– Дармоед. Бандит. Чтоб тебя разнесло и пронесло с нашего поросенка.

– Ну, тогда извини, сестренка, на войне как на войне.

– Коза тебе сестренка. Козел. Подавитесь им, а я ничего есть не буду.

– Все понятно. Гера, не надо ее развязывать. Она в свою бабушку пошла.

– Это ее тетка.

– Какая разница. У них вся порода стервы.

– Зря ты так, Рома. – Гера прилег на лавку и с наслаждением вытянул ноги. Он всегда уставал больше других. – Если бы к тебе домой ввалилась такая орда, да еще давай твое мясо наворачивать, ты бы тоже обиделся.

Девчонка вдруг заворочалась и всхлипнула:

– Ешьте. Жрите, шваине американские. Мало нашей крови попили? Можете и мне рот заткнуть, все равно я вас бояться не буду. Всех вас наши переловят и передуют. Бандиты проклятые.

– Напрасно вы так, барышня. – Женька был почти весел. В первый раз за много дней им предстоял ночлег в тепле и в относительной безопасности. – Мы совсем не бандиты. И пока не собираемся ни убивать вас, ни грабить.

– Нет, почему же? – Димка страшно оскалился и вытащил из-за пояса длинный нож. – Я хочу поглумиться над ее трупом. Вырезать звезду, и все такое. Как полагается.

– Отстань от девочки, придурок. – Лена оттерла его в сторону и присела возле Зойки, которая снова сжалась в комок. Она вынула из рук Димки нож и перерезала веревки у нее на руках. Девчонка отодвинулась в самый угол, разминая руки, в зеленых глазах ясно читалось удивление.

Лена смотрела на нее ласково и спокойно. Она была старше всего на несколько лет, но разница сразу чувствовалась. Зойка была еще почти ребенком, и она слишком старалась не испугаться. Димка, смущавший девчонку больше всех, уже отвлекся; теперь он сосредоточенно рылся в большом ящике, где ему удалось обнаружить несколько пересохших, искрошившихся от времени папирос.

– Ты не бойся, ничего мы вам не сделаем. И тебя, и тетю твою отпустим, нам всего и нужно – поесть да заночевать. Мы в очень тяжелом положении, сами всего боимся, поэтому вот так... – Лена кивнула на веревки. – Хотя ты вряд ли сможешь нас понять.

– А кто вы такие? – Зойка явно поддавалась на интонацию и слушала уже без прежней враждебности.

– Господи... Вот как тебе ответить, чтобы не соврать? Вообще-то мы скалолазы из Красноярска. Смешно звучит, но это правда. Хотя временами я сама уже этому не верю.

– А-а... Понятно. – Что-то изменилось в Зойкиных глазах. – Врете. Все время врете. Вы из Вашингтона. Вас там учат. Только плохо учат, говоришь ты все равно с акцентом. Вы смеетесь, и то не по-нашему.

– Откуда мы? – у сидевшего рядом Ромки отвисла челюсть.

– Из Вашингтона, – объяснил ему Димка. И доверительно спросил у рыжей девчонки:

– Все правильно, лисьенок. Йес. Они все есть из Вашингтона, только ай эм из Лос-Анджелеса. Но как ты нас так быстро раскусила?

– Дима, хватит. Не делай из нее дурочку. Она ничего не понимает, так мы и сами еще ничего не понимаем. Зоя, ты можешь ответить на несколько вопросов?

Несколько замешкавшись, та отрицательно мотнула головой. Старуха у стены замычала. Ленка

вздыхнула.

– Скажи, какой сейчас год?

– Чего? – от удивления девчонка забыла, что решила не отвечать.

– Год сейчас какой? От рождества Христова.

– Девяносто девятый. Тысяча девятьсот.

– Отлично, – теперь к ней развернулся Женька. – И кто в стране у власти? Вообще, как называется эта страна?

– Вы чо, ребята, из психушки? Или передо мной кривляетесь? – Зойка покрутила пальцем у виска. – Под инопланетян работаете?

– Кто в России у власти, ты... Конопатая!

Странное ругательство подействовало. Девчонка пожала плечами и, явно с издевкой, выдала:

– Шелленберг. Только не в России, а в Советском Союзе.

Скалолазы изумленно переглянулись.

– Издевается, – уверенно сказал Ромка.

– Ты... – Игорь, не выдержав, грубо тряхнул ее за плечи и сам сморщился от боли в руке. – Какой, к лешему, Шелленберг? Табаков, что ли?

– Ты чо, дурак? Вальтер Шелленберг. Ребята, вы точно с Луны свалились. Вы откуда?

– Из Красноярска.

– Придумайте что-нибудь получше. Красноярск разбомбили американцы. И кто такой Табаков?

– Инопланетянин. Так. Ребята, с ней мы ничего не выясним. Ищем книги и старые газеты. Похоже, мы действительно вляпались в это по уши. – Женька сел за убогий письменный стол и обхватил голову руками.